

Вячеслав
Корнич

Странные
истории

~ 1 ~

Вячеслав Корнич

Странные

истории

2015 г.

Краткая аннотация

В этом сборнике собраны совершенно разные непохожие друг на друга истории со своей особой «начинкой» и «изюминкой», но в каждой из них есть философский смысл, чем-то сближающий сюжеты рассказов. И я очень надеюсь, что именно в нём вы, уважаемые читатели, сможете найти для себя нечто новое и даже полезное, что позволит вам взглянуть на себя и окружающую вас жизнь как бы со стороны - беспристрастно и объективно, а может, и с долей юмора...

Содержание

Танцующие снежинки.....	3
Давайте просто помолчим.....	24
Украденная правда	33
Словарь	58

Танцующие снежинки

Мне казалось, что это случилось не со мной, ведь я всю свою сознательную жизнь старался быть как все... как все, заряженные в эту суетливую жизненную обойму так похожую на лошадиный бег по кругу. Нет, конечно, я не был закоре-нелым материалистом, но с другой стороны особо-то и в Бога не верил, он для меня был чем-то эфемерным, расплывча-тым, не поддающимся пониманию, а тем более мистика... Всё, что касалось потустороннего, я всегда относил к необуз-данному воображению писателей этого жанра, не более того. А верить во всю эту галиматью - Боже упаси! Оп... вот и вспомнил о нашем Отце небесном, значит, без него никак. А может, и не случайно, что это произошло именно со мной, может, в том есть какая-то закономерность, неизбежная веха в моей жизни?.. Не знаю, пока не знаю. С чего же начать свою историю? Или лучше сказать - исповедь новоиспечён-ного чудака. Пожалуй, начну с себя - зовут меня Всеволодом, для друзей просто Сева, а фамилия у меня что ни на есть ле-тучая - Иволгин. Наверное, мне придётся повториться, но в моём прошлом действительно не было ничего особенного, обыкновенная жизнь, так живут тысячи или даже миллионы людей. Хотя нет, всё же кое-что досталось и мне в свои трид-цать с небольшим хвостиком. Ранняя смерть родителей, несомненно, потрепала мою душу, да и вторая «чеченская» война тоже оставила в ней свой рваный след, а в остальном, как у всех - работа, друзья, увлечения, этакий собственный мирок сложившихся стереотипов, можно сказать - укатанная мировоззренческая колея. Только с собственной семьёй у ме-ня пока не получилось, возможно, не нагулялся ещё «вели-ковозрастный отрок», а если серьёзно, то не встретил я ту

единственную, с которой бы захотелось на край света по велению сердца вот так сразу без лишних раздумий. После армии я окончил медицинскую академию, но по специальности не проработал и года. Как-то неожиданно для себя и с лёгкой подачи своего школьного приятеля Пашки Пospelова я решил заняться торговым делом. И через некоторое время мы организовали в городе сеть спортивных магазинов, а чуть позже открыли физкультурно-оздоровительный центр для всех желающих прикоснуться к здоровому образу жизни. Работа, безусловно, отнимала у меня уйму времени, ведь заметно разросшееся хозяйство требовало бдительного присмотра, а кроме того постоянные контакты с поставщиками, поиск новых возможностей, рынков сбыта. Одним словом - жизнь не давала сильно расслабиться.

Так всё бы и продолжалось, если б не одно странное стечение обстоятельств. Эта девочка появилась в моей жизни неожиданно, но так стремительно захватила все мои помыслы, что границы привычной для меня реальности стали заметно расширяться. И это не шутка. А всё началось с той первой встречи, произошедшей около трёх месяцев назад в один из тёплых летних вечеров. Погода в конце июля немного побаловала жителей нашего провинциального городка своим бархатно-нежным теплом и относительным безветрием. Большинство оставшихся в городе людей, не уехавших на заграничные и черноморские курорты, пропадало на дачах, либо на берегах окрестных водоёмов. В тот день не стал исключением и ваш покорный слуга, после не совсем здорового отдыха на загородной турбазе с друзьями, уставший, но вполне удовлетворенный я возвращался в родные стены своей трёхкомнатной «берлоги». Мои соседи по лестничной площадке слева уже как несколько дней прибывали на сол-

нечных пляжах Египта, а квартира справа пустовала пару недель, с тех пор как хозяева перебрались в отстроенный дом на окраине города. Но поднявшись на четвёртый этаж, я к своему удивлению обнаружил соседскую дверь приоткрытой. Первая появившаяся в моём сознании мысль почему-то склонялась к ворам, но затем голос разума восторжествовал над инстинктом моего не совсем трезвого воображения:

«А почему, собственно - воры, что там брать-то? Может, новые соседи объявились... это ведь нормально, не будет же квартира вечно пустовать... Сейчас поглядим».

Я никогда не считал себя робким человеком, но осторожность никогда бы не помешала в таких случаях. Подойдя ближе к двери, я прислушался, внутри помещения раздавались несколько неотчётливых голосов и глухие звуки, видимо, передвигаемых по полу предметов.

«Да, скорее всего, это новые соседи... зря грешил на воров, но неплохо бы проверить», – пронеслась в моей голове вполне закономерная идея.

Я нажал на дверной звонок и стал ждать. Буквально через несколько секунд в коридоре раздались лёгкие шаги, и передо мной предстала стройная девушка в светлых бриджах и майке, на вид лет семнадцати. Вроде ничего особенного - девушка как девушка, хотя и недурна собой: длинные каштановые волосы, острый носик, упрямые тонкие губы, несколько бледноватое для июля лицо, но глаза... их разрез напоминал форму дикого миндаля с удивительными спелыми вишнями внутри. Они мне показались совсем не детскими, а скорее - необъяснимо притягательными, что ли, их таинственная глубина как-то сразу же покорила меня. Меня словно удалило током! Несколько секунд я не мог оторвать взгляда

от незнакомки, а мой язык будто к небу прилип, совсем не желая шевелиться. Но она сама нарушила недолгое молчание:

– Здравствуйте. Вы, наверно, наш сосед? А мы только что заселились в эту квартиру.

– Да, сосед... значит, переехали, – как-то неуверенно промямлил тогда я.

Она поглядела на меня с такой очаровательной улыбкой, способной без слов покорить целый мир. Я растерялся, не находя темы для продолжения разговора, но в этот момент из-за спины девушки показалась взъерошенная голова мужчины средних лет в очках.

– Ну, наконец-то, хоть одно живое существо объявилось, а то прямо как в склепе! – воскликнул он, протягивая широкую сухую руку:

– Меня Виктором зовут, а это дочка - Катя, но это ещё не всё наше семейство, жена в магазин убежала, скоро будет.

– Очень приятно, Всеволод... поздравляю с новосельем, – нашёлся всё же я, отвечая на его крепкое рукопожатие.

– Э-э, с новосельем ещё рано поздравлять, позже отметим, как полагается. Всеволод, вас мы тоже приглашаем, будем очень вам рады, о дате и времени уточним позже, – громко объявил Виктор и уже шутливо добавил:

– Отговорки не принимаются!

– Да я и не против, я с удовольствием... спасибо за приглашение, – проговорил я, краем глаза поглядывая на реакцию Екатерины.

Девушка снова улыбнулась и ободряюще кивнула.

Мы ещё перекинулись несколькими фразами ради приличия, и я поспешил скрыться за дверью собственной квартиры, естественно, заверив новых знакомых в готовности посетить их в назначенный день. Родное «убежище» встретило меня привычной тишиной и запахом холостяцкого обихода, но внутри меня клокотал нешуточный океан нахлынувших чувств. Я прислонился спиной к стене и призадумался, пытаюсь разобраться в появившихся ощущениях.

«Катя, Катя, Катя...» – настойчиво стучало в моих висках.

И в те же секунды внутри моей груди шевелилось какое-то томительное чувство, похожее на боль, но такую сладкую и зовущую, что хотелось раствориться в ней полностью без остатка. В таком состоянии я простоял, наверное, несколько минут, пока не пробудился голос разума, который сразу же подверг скепсису мою эйфорию:

«Так, всё, хватит! Она же девчонка совсем... отец её лет на восемь меня постарше, наверно. Сдурел, олух подвыпивший, всё, закрыли тему!»

Для верности я даже похлопал себя по щекам, но как назло тема никак не хотела закрываться, и кроме того я поймал себя на мысли, что недавний хмель напрочь испарился из моей головы. Остаток вечера я провел, можно сказать, на автопилоте, сварил кофе, принял душ, а тем временем рассудок с переменным успехом пытался бороться с навязчивым, но приятным ощущением. А позже я почувствовал, как что-то рождается внутри меня, пытаюсь вырваться наружу, такое живое и до невозможности близкое. В эти минуты мне даже пришла в голову аналогия с птицей, бьющейся в железной клетке неволи.

В ту ночь я долго не мог заснуть, всё ворочался в чуткой дремоте, а забылся только под самое утро в очень непонятном сновидении.

Этот сон мне казался таким реальным и в то же время мистическим, что несколько дней никак не выходил у меня из головы. Я брёл по удивительной долине среди необъятных горных лугов, игравших невообразимой цветовой гаммой. Наверное, я никогда не видел таких насыщенных красок, не вдыхал подобного аромата разноцветов и не наслаждался чистотой тончайших звуков, разве что в детстве. А вдали виднелись вершины величественных гор, подёрнутые синевато-молочной дымкой и так неудержимо влекли меня к себе... Спустя некоторое время, если, конечно, оно существует во сне, на моём пути появилось небольшое озеро, необычайно голубое и прозрачное. Даже на расстоянии я смог разглядеть песчаное дно, усеянное всевозможными разноцветными камушками, а свежесть, исходившая от его дыхания, прямо таки кристаллизовала собой всю округу. У самого берега я наткнулся на каменный пирс, таинственно врезавшийся в гладь озера. Я прошёл по нему до конца и опустился на колени, чтобы зачерпнуть воды, но когда заглянул в озёрную глубину, то увидел вместо своего отражения лицо Кати...

Я проснулся в холодном поту с учащённым сердцебиением, внутри меня рождались противоречивые чувства, с одной стороны, я прикоснулся к красоте неведомого мне мира, а с другой - этот непонятный страх. Уже сидя на кровати, я пытался воссоздать картину своего сна в надежде хоть как-то собрать по смыслу разбросанную мозаику знаков, но ничего стоящего в своих умозаключениях не находил. В студенческие годы я немного интересовался вопросами сновидений и теперь мучительно пытался реанимировать забытые знания,

но, увы, на этот раз даже сонник ничего путного подсказать мне не смог.

«Эти яркие краски цветов, загадочное озеро, отражение Кати... испуг... В чём же связь, что мне нужно понять?» – не сдавалось моё любопытство, однако тот второй внутри меня высказал толику сомнения и подкинул немного здравого смысла:

«А может, всё гораздо проще - воображение разыгралось, увидел симпатичную девчонку и размяк? Тьфу ты! Прямо как горный козлик, наскочил по виртуальным лугам, и возвращаться в действительность не хочется. Всё, выбрось её из головы, пора на работу!»

Так получилось, что неожиданная командировка смешала все мои планы, и я не сдержал своего обещания насчёт новоселья. В городе я отсутствовал чуть больше недели и за это время мои первые чувства к Кате не то чтобы потускнели, а скорее - перемешались с повседневными заботами. Тем не менее, предчувствие чего-то необъяснимого и чудесного не покидало меня, время от времени намекая томительно-зовущими импульсами о грядущих переменах. В такие моменты мой рассудок как бы отходил в тень и деликатно смолкал, видимо, не желая выдавать готовые рецепты.

С новыми соседями по площадке у меня сложились вполне нормальные отношения, но не более того, дефицит времени как будто специально не позволял нам перейти черту обычного соседства, а в основном редкие встречи ограничивались лишь приветствиями да мимолётными фразами. О семье Ярославских я знал немного: Виктор работал в городской администрации председателем одного из комитетов, его жена Оксана врачевала в местной больнице, а Катя только

что поступила на первый курс нашего единственного университета. Вот, собственно, и вся информация, скудная, конечно, но это всё что я имел на тот момент.

Как-то однажды поздним осенним вечером после работы я надумал прогуляться через городской парк, это был мой обычный маршрут от гаража до дома, когда я решал не оставлять машину под окнами своей пятиэтажки. На городок уже успела опуститься плотная тень сумерек, окрасивших небо в покров густой синевы с россыпью ещё бледных звёзд. Настроение в тот момент у меня было весьма и весьма позитивным, день выдался удачным, и можно сказать, что чувство исполненного долга заметно перевешивало накотившую усталость. В эти мгновения у меня вдруг созрела заманчивая идея побаловаться холодненьким пивком и непременно с «Жёлтым полосатиком». Заранее предвкушая удовольствие от законного отдыха, я вышел на тенистую аллею и направился в сторону попутного ночника, напевая про себя мелодию популярной песни. Буквально за пару минут парк погрузился в таинственную тишину ночи, лишь где-то из темноты доносились негромкие голоса, но они только добавляя загадочности ночному пейзажу. Асфальтированная дорожка как-то ярче заискрилась декоративными фонариками и поманила меня за собой. Я уже шествовал по центру парка и в этот момент мой взгляд невольно остановился на скамейке, где одиноко сидела девушка. Её поведение показалось мне не совсем обычным, она с каким-то упоением разглядывала небесные светила, совершенно не обращая внимания на проходивших мимо людей. Замедлив шаг, я с интересом уставился на незнакомку, и вдруг с удивлением узнал в ней свою соседку.

– Катя?! – воскликнул я, подходя к скамейке.

Она не сразу поняла, что обращаются именно к ней, но потом поглядела на меня каким-то отрешённым взглядом и тихо произнесла:

– А, это вы...

– Катя, что вы здесь делаете одна ночью? Вас же могут обидеть, – выпалил я первое, что взбрело в голову.

Девушка задумчиво покачала головой и каким-то блаженным голосом произнесла:

– Сева, поглядите, какая красота... сколько звёзд... А вокруг танцующие снежинки и розы...

– Снежинки?.. Какие снежинки, Катя, ведь не зима же на дворе? – растерянно проговорил я.

– Сева, ну как же... разве вы их не видите? Они же повсюду, они поют, а этот аромат... от него так кружится голова...

Она вновь поглядела на моё обескураженное лицо, но уже с виновато-грустной улыбкой и почти прошептала:

– Вы их не видите... жаль... необычное скрыто от людей, но ничего, не переживайте, всё придёт и к вам.

Я как замороженный глядел на неё не в силах что-либо возразить, в эти мгновения мне казалось, что сидевшая на скамейке девочка намного старше и мудрее меня. Я чувствовал, как безнадежно утопаю в глубине её чистого взгляда, ласкавшего мою душу упоительным покоем и вместе с тем необъяснимым восторгом. А она всё глядела на меня своими удивительными глазами, излучавшими тёплый золотистый свет, и загадочно улыбалась. Молчание затягивалось, мимо нас проходили незнакомые люди, где-то в парке раздавались звонкие голоса, им вторил заразительный смех... Но это было

всё там, во внешнем мире, а здесь на маленьком пяточке, связавшем в единое наши чувства - царило блаженное безмолвие...

Но спустя несколько минут её голос вернул меня на грешную землю:

– Сева, поглядите на это прекрасное созвездие - это Орион, а те три бело-голубые звезды - его пояс. Видите? Разве они не завораживают?

– Да, вижу, они действительно красивы, – покорно согласился я, неотрывно разглядывая звёзды.

– Сева, взгляните, в самом центре пояса сияет звезда Альнилам, она значительно ярче вашего солнца, а за ней на расстоянии нескольких световых лет находится мой дом... я очень давно не была там...

Проговорив эти слова, она поднялась со скамейки и подошла вплотную ко мне. В моей голове совсем не укладывались её слова, но я вдруг почувствовал томившуюся внутри неё грусть, почувствовал, если можно так выразиться - всеми фибрами своей души, это волнующее ощущение словно вживалась в каждую клеточку моего существа.

Катя положила свои тонкие руки мне на плечи и умоляюще заглянула в мои глаза:

– Вы мне не верите? Мне ужасно одиноко на чужбине... порой даже невыносимо...

– Катя, о чём вы говорите? Вы не больны? – вымолвил я и чуть не поперхнулся, увидев заблестевшие бисеринки слёз на её выразительных глазах.

– Нет, Сева, я не больна и не сумасшедшая, я иная... просто иная...

– Иная? Я не совсем понимаю вас, вы же человек... пускай не совсем такой, как все, но...

– Вы хотите сказать - человек с причудами? – перебила она с некоторой иронии в голосе.

– Нет, нет, вы не так поняли! – поспешил я успокоить девушку. – В каждом из нас хватает странностей, но это же не диагноз...

– Самая большая странность это моё рождение здесь, – со вздохом ответила она. – Вы не подумайте, Сева, что я брежу или фантазирую, нет, всё не так, совсем не так. Давайте не будем больше об этом. Если хотите, можем вместе прогуляться.

– Согласен! – мгновенно отреагировал я, напрочь забывая о мероприятии с пивом.

Катя взяла меня под руку, и мы не спеша пошли по аллеям ночного парка. Она доверчиво прижалась ко мне, а я, ощущая близость девичьего тела, его трепетное тепло, был безумно счастлив, что судьба распорядилась именно так в эту осеннюю звёздную ночь. О чём мы беседовали в те часы? Да обо всём - о смысле жизни, разных мелочах и просто молчали, но те мгновения нашего молчание мне почему-то казались необычайно значимыми. Ещё с первых минут нашей встречи меня сразу же подкупила её недетская зрелость, какая-то её загадочная глубина, не поддававшаяся моему пониманию. Любые темы разговора у Кати опирались на особенную точку зрения, что даже моё сознание и опыт взрослого человека с трудом вмещали её странные умозаключения. Но наиболее остро врезалось в моё сознание высказывание Кати о том, что люди бессмертны, и каждый из нас это не что иное, как сгусток сознательного света, способный принимать

любые формы и что внутри этого светового существа (то есть нас) хранится ключ от всех тайн Вселенной. Она утверждала, что люди в земной жизни занимаются не тем, что от них требует Великое Непознаваемое (так она называла Бога), и при этом с горечью сетовала на бесцельно потраченное нами время во сне обманчивой иллюзии, невозполнимое и безвозвратно потерянное. По её мнению людям необходимо проснуться и заглянуть в себя как можно глубже для того, чтобы ощутить связь со своим сознательным существом, только после этого мы снова станем ничем иным, как проводником божественной радости, её чудесным звучанием, которыми изначально всегда и являлись. Лишь в этом случае можно обрести полную всепоглощающую свободу и созвучие с космической мудростью. Поначалу столь необычные мысли девушки щемили тоской моё сердце, естественно, вызывая некое сопротивление и протест, ведь все эти на первый взгляд бредни сумасшедшей напрочь опровергали моё обывательское мировоззрение. Я даже пытался спорить, но по мере того как мой ум переставал ершиться и вникал в смысл услышанного, во мне пробуждалось естественное любопытство, желавшее отыскать в словах девушки хоть какую-то ниточку утерянной связи со своим внутренним существом. И вдруг я словно поймал тот потерянный лучик света, неожиданно всплывший из глубоких недр моего прошлого, хотя я и не понимал какого. Но сердцу достаточно было его ощущений, оно не могло обманываться в момент своего торжества, этот удивительный момент понимания ещё сильнее сблизил меня с Катей, что-то очень родное и близкое я почувствовал в ней тогда. Во время прогулки мы как-то совсем забыли о времени, я спохватился лишь, когда случайно взглянул на

экран мобильного, на котором высвечивалось четыре часа утра.

– Катя, вас же родители, наверно, потеряли, – осторожно намекнул я и задумчиво добавил:

– Странно, что они ни разу не позвонили вам.

– Вспомнили, однако! – рассмеялась девушка. – Они на дачу к знакомым уехали День рождения справлять, ещё вечером уехали. Сегодня же выходной.

– А-а, ну тогда ладно, – успокоился я и про себя с удивлением отметил, что даже мой неугомонный мобильник непривычно молчал всё это время.

Парк совсем опустел и погрузился в величественную тишину, мне даже показалось, что мы здесь совершенно одни, как впрочем, и на всём белом свете. Но я ошибался. В следующую минуту из тени зарослей нам навстречу вышла компания молодых и довольно подвыпивших людей.

– Закурить не найдётся? – сквозь зубы прозвучал вопрос развязного парня.

– Извините, ребята, не курю, – моментально ответил я, уже предчувствуя неладное.

– Хреново, мужик, что не куришь, – ухмыльнулся парень и обратился к остальной компании:

– А девка у него ничё, клеевая. Уговорим поделиться, а?

В ответ прозвучало дружное гоготание возбуждённых алкоголем переростков.

– Слышал, папашка, твоё время тю-тю, баиньки вали, а не то песок посыплется из задницы! – не унимался наглый парень, скаля зубы.

– Ага, а деваха с нами потусуется, ещё спасибо скажет, что отогрели, – добавил кто-то из тёпленькой компании.

После этих слов на меня вдруг что-то накатило, нет, конечно, я подозревал, что внутри меня ещё таится дух древнего зверя, но чтобы такого... И сейчас он готов был вырваться наружу со своим беспощадным оскалом и рвать эту свору подонков!

– Ну всё, уроды малолетние, вы здесь и ляжете! – со злостью бросил я, сжимая кулаки.

Тогда я решил драться до последнего, не за себя, а за честь этой необычной девочки, казавшейся такой беззащитной в эти минуты. Я уже собирался сокрушить всех обидчиков на своём пути, как вдруг почувствовал лёгкое прикосновение Катиной руки. В моём сознании тут же отпечаталось её предостережение от поспешного шага, и мои намерения стали растворяться в волне покоя. Нет, я точно помню, она не произносила этих слов, но я их слышал, слышал так отчётливо, что не мог ошибиться! Текли секунды, мои ноги не в силах были сдвинуться с места, а злость куда-то улетучилась без остатка, словно и не было её совсем. Вы не поверите, я как замороженный глядел откуда-то сверху на происходящую сцену в парке и всё осознавал. А тем временем Катя с улыбкой подошла вплотную к компании молодых людей, в её улыбке чувствовалась какая-то неземная грусть, и в то же время доброе материнское сочувствие. Что происходило дальше, даже с трудом поддаётся объяснению: лица хулиганов моментально обмякли, затем расправились и, наконец, расплылись в блаженных улыбках. После чего девушка провела ладонью по лицу одного из них и негромко произнесла:

– Вот и хорошо, ступайте с миром...

И они без разговоров отправились восвояси, покорно и безропотно. После того как парни скрылись из виду, Катя заглянула в мои глаза и произнесла:

– Спасибо, Сева, за ваше мужество, я признательна вам... но всё ведь можно уладить по-доброму. Правда?

– С кем, с этими?! – возмущённо воскликнул я и тут же осёкся:

– Хотя, да... вам же удалось.

– А знаете почему? – её глаза осветились солнечными лучиками.

– Нет... понятия не имею, – пожал плечами я и уставился на Катю в ожидании пояснений.

– Всё просто, Сева... в каждом из нас живёт божественная искра, даже в самом чёрством и безжалостном, нужно всего лишь дотронуться до неё, оживить, и тогда связь восстановится. Мы все едины на том уровне, все без исключения, но, к сожалению, не чувствуем этого.

– Ну как же так, Катя, разве можно равнять святого и убийцу? Я не понимаю этого, не понимаю, это же абсурд! – не соглашался я.

– Нет, нет, это всё маски нашего прошлого и уже настоящего... а там, в глубине изначальности мы чисты и непорочны, – убеждала меня девушка. – Вам до сих пор непонятно?

– Вот хоть убейте, Катя - нет! И вы хотите сказать, что до таких выродков можно достучаться? – не унимался я, прохаживаясь вдоль скамейки, возле которой мы остановились.

– А разве вам недавно это показалось?

– Ну да, да... видел собственными глазами, только всё равно не могу поверить, – не сдавался я.

– А вы поверьте, просто предположите, что это возможно и тогда всё станет яснее. Люди уже давно обросли тёмным коконом... это неведение, собственное неведение, его сплели ошибочные мысли и чувства, а люди просто согласились принять их реальность. А внутри этого кокона живёт душа, живая душа, она по-прежнему светит, но свет не проникает за оболочку условностей, он возвращается обратно к ней искажённым, поэтому незамутнённая душа заблуждается относительно себя... Она не помнит себя настоящую, оттого и скорбит вместе с телом.

– Но почему так происходит, зачем всё это?! – воскликнул я.

– Это игра, всего лишь игра Непознаваемого, он сознательно облачает искорки своего духа в плоть и обрекает их на забвение себя, чтобы с их помощью услышать новую песню, созданную игрой пёстрых чувств... И эта песня, как и все другие - вольётся в одну великую вселенскую симфонию, чтобы добавить ей новый тон звучания. А искорки духа однажды вспомнят себя, их забвение лопнет, как пузыри на воде и они вновь вернуться в океан Единого...

– Образно, конечно, поэтично... но если задуматься, какая-то нелепость получается... Я не вижу в этом никакого смысла, Катя! Нет, это просто насмешка какая-то над нами... Сначала из нас делают каких-то подопытных кроликов ради какой-то непонятной песни, а потом опять в единый котёл... Нет, я не хочу больше обезличиваться, не хочу!

– Смысл есть, Сева, есть... новые формы обогащают своим знанием единое целое, в этом и заключается эволюция

всего мироздания. Обезличивания не будет, просто вы снова станете сознательными в единстве со всем миром. А для того чтобы увидеть истину нужно всего лишь раздвинуть этот кокон неведения и тогда душа получит возможность вспомнить себя.

– Неужели всё так просто, взять и раздвинуть?.. Ну не знаю, не знаю... н-да, вопросец... А как это сделать, если не секрет? – после некоторых сомнений проснулось во мне любопытство.

– К сожалению, не всё так просто, Сева, сила привычек очень сильна, в них и гнездится суть иллюзии. Сначала нужно преодолеть инертность, или лучше сказать - выбраться из наезженной колеи, вот тогда можно и в себя заглянуть, честно и искренне заглянуть... а там, в тишине и душа ответит...

Самое непонятное было в том, что я продолжал слушать Катю, хотя и спорил, сомневался, но столь категорично уже не пытался опровергать её, на первый взгляд, выдумки. Откуда она про всё это знала? Я не мог бы тогда ответить на столь деликатный вопрос, а она всегда обходила нежелательную для себя тему, переводя разговор в другое русло.

Так пролетели три недели, незабываемые дни наших тайных встреч, ставших для меня уже жизненной необходимостью. Нет, это была не любовь в человеческом понимании, а нечто другое, нам было интересно вместе, в Кате я ощущал, если так можно выразиться - пульс неведомой мне жизни, саму её непостижимую суть с бесчисленными лабиринтами загадок и тайн. Я многое узнал от неё за то недолгое время нашего знакомства, а вместе со знаниями, несомненно, менялось и моё прошлое мировоззрение. Родители Кати до сих пор ни о чём не подозревали, и всё бы шло своим чередом,

но, видимо, и у хороших историй бывает не совсем приятный конец.

Это случилось во время прогулки по парку промозглым осенним вечером, Катя вдруг остановилась и порывисто сжала мою руку. Я повернулся к девушке, ожидая услышать что-то важное.

Действительно, спустя несколько секунд раздался её взволнованный голос:

– Сева... скоро мы должны расстаться.

– Как расстаться, – не совсем понял я, – вы с родителями куда-то уезжаете?

– Нет, родители остаются... а я должна покинуть этот мир...

– А чём вы говорите, Катя, как покинуть? Не вздумайте так больше говорить! – с жаром выпалил я.

– Сева, вы не так поняли, я не собираюсь накладывать на себя руки, это же самая большая глупость, просто я чувствую зов, за мной скоро придут... пришло и моё время, – с каким-то смешанным чувством произнесла она.

– Кто, зачем и почему сейчас? – растерянно пробормотал я.

– Столько вопросов, – вздохнула девушка, задумчиво поглядев в мои глаза. – Сева, так надо, давайте больше не будем об этом. Хорошо? Не обижайтесь.

На тот момент я согласился, но в моей душе всё же остался неприятный осадок, не дававший мне покоя даже ночью. Я не понимал, что означают слова девушки и решил последить за ней, чтобы всё выяснить самому.

Два дня мы с Катей не встречались, так решила она, а слезка мне ровным счётом ничего не дала. Но на третий день после того злополучного разговора около двенадцати ночи я услышал скрип соседской двери и немедленно прильнул к наблюдательному глазку. Катя была одета в осеннюю куртку и джинсы. Она спустилась на нижнюю лестничную площадку, но потом вдруг повернулась, словно чувствуя мой встревоженный взгляд. Простояв так несколько секунд, она быстро сбежала вниз. Времени на раздумье у меня почти не оставалось, я буквально вылетел вслед за ней на улицу и стал озираться по сторонам. Но девушки нигде не было. Тогда я бросился со всех ног в сторону парка и уже на центральной алее увидел впереди себя ускользающий в темноту силуэт. Это была она, безусловно, она, я не смог бы спутать её ни с кем. Катя миновала аллею парка и устремилась в сторону берёзовой рощи, за которой находилось старое кладбище.

«Куда же она собралась? Неужели на кладбище? Но зачем?! Что же она задумала?.. Ведь задумала, точно!» – сверлили мысли мою голову.

Ночь была тёмная, безлюдная, народ не особо жаловал это время года и отсиживался в тёплых квартирах. Выйдя на большую поляну, служившую когда-то футбольным полем, Катя замедлила шаг и резко повернула направо.

«Слава Богу, хоть не на кладбище», – облегчённо вздохнул я и тенью скользнул за девушкой.

Через метров сто она внезапно остановилась и замерла. Я последовал её примеру, затаившись недалеко за деревом. В таком необычном положении она провела не менее пяти минут, а потом вскинула руки вверх и что-то быстро зашептала,

словно вознося молитву небесам. Так продолжалось несколько раз, после чего она снова замерла в безмолвии.

«Странно, очень странно... Что сие означает, что за гимнастика такая непонятная да ещё с какими-то заклинаниями?» – напрягал извилины я, но тщетно.

Прошло ещё несколько минут, но ничего не происходило, вот только ночь становилась заметно темнее, а осенний морозец всё настойчивее обволакивал уснувшую округу.

И вдруг всё изменилось: яркая вспышка мгновенно разорвала небо, из которого на землю упал пучок ослепительного света. У самой земли он буквально на глазах расширился и завибрировал изумительными по красоте цветовыми оттенками. В следующее мгновение вибрирующая энергия затопила окружающее пространство, превращая его в довольно плотную живую массу. Ничего не понимая, раскрыв рот, я наблюдал за стремительно разворачивающимися событиями. Катя сделала несколько шагов навстречу световому потоку и в почтении склонилась перед ним на колени. А через несколько секунд прямо из света появились три сияющих силуэта чем-то напоминавшие человеческие фигуры, но только отчасти... Это были не люди. Непостижимая сила, исходящая от них, говорила сама за себя. Они величественно подплыли к Кате, окружив девушку полукольцом, тут же сомкнувшись в сияющую сферу, и выдержав небольшую паузу, торжественно понесли её к световому потоку как равную себе. Я хотел закричать, чтобы помешать их намерению, но не смог... мой порыв так и остался неисполненным желанием. Но уже у границы потока от сферы вдруг отделился девственный контур света. Я совсем не видел лица, скрывавшегося за переливами тончайшей оболочки, но чувствовал, что

это была Катя. Как только тонкий лучик света коснулся моего сердца, оно ту же ответило радостным трепетом, а затем я почувствовал внутри себя еле ощутимую вибрацию, прозвучавшую её нежным голосом:

– До встречи, друг мой, до скорой встречи...

Через несколько секунд всё исчезло, будто и не было этого сказочного видения, не было никогда. По замерзающим в темноте берёзам прокатился прощальный вздох, а когда ветер стих, моё сердце защемило тоской...

Уже позже я пытался понять: кто же она была на самом деле, как появилась здесь и зачем? Но так и не сумел, впрочем, как и не смог разгадать значения последних слов Кати. Тайны, вечные тайны... А может ключик от разгадок находится совсем рядом, как она и говорила? Как знать...

Давайте просто помолчим

Вадим Карцев лежал на диване, молча созерцая потолок собственной квартиры, но внутри него кипели нешуточные страсти. Таким образом он «убивал» уже второй день своего отпуска, который был буквально отвоёван у заместителя директора холдинговой компании, где Вадим работал начальником отдела. Два дня назад он нашёл не одну обоснованную причину, чтобы внушить своему начальнику необходимость такого решения. В конце концов, замдиректора сдался и подписал заявление. Но если честно, Вадим и сам-то толком не знал, зачем ему нужен был отпуск, просто в один прекрасный момент его будто придушила тоска, такая невыносимая и тягучая, что совсем не давала продыху. Он не находил себе места, работа уже не спасала, а наоборот, всё туже и туже затягивала этот удушливый узел. Нет, ненависти к работе он не испытывал и всегда с ответственностью относился к своим обязанностям, хотя любовью это назвать было нельзя, разве что с лёгкой натяжкой. Да и в жизни Вадим пока ещё не разочаровался, несмотря на свои неполные тридцать лет судьба была явно к нему благосклонна, это касалось его должности в довольно известной компании, хорошей квартиры в престижном районе города, дорогой машины. Естественно, что и женским вниманием он обделён не был, интересные дамы разного возраста и социального положения прямо таки вились возле него. Парнем он был видным, перспективным, со всеми вытекающими из этого умозаключениями.

А дело-то было вот в чём. С недавних пор Вадим понял, что может читать мысли людей и не просто схватывать отдельные обрывки, намёки, а именно видеть внутренние рас-

суждения, окрашенные чувствами и эмоциями. Он словно впитывал в себя аромат человеческого «здесь и сейчас», как бы сканируя эти образные картинки, не спонтанно, конечно, а настраиваясь на определённого человека. Вначале это даже забавляло его, но не долго. Извлечённая из человеческих сознаний информация не всегда приносила Карцеву радость, а зачастую просто озадачивала, заставляя переваривать не слишком приятную пищу для размышлений. Оказалось, что его окружение - сотрудники, родственники, друзья иногда просто лукавили, надевая маски участия и добродушия, хотя на самом деле думали иначе. Лицемерие, видимо, не покидало этот мир никогда, в этом Вадим успел убедиться, наблюдая телевизионные передачи с участием политиков, бизнесменов и других известных представителей разношёрстной элиты. Нет, конечно, под его «рентген» попадали и довольно приличные люди, но и те не особо баловали откровенностью с экрана. Такой удар по устоявшемуся мировоззрению, да и по самолюбию тоже - мог бы свалить любого слабонервного. Вадим не относил себя к данной категории, но, тем не менее, такой негативный осадок ведь мог оседать долгие годы, и со временем даже превратиться в «замшелый пенёк» осуждения или даже разочарования в жизни. А выкорчёвывать подобные «пеньки» не так-то просто. Карцев попытался вспомнить, когда же это началось. Уже несколько лет он со своими приятелями пару раз в неделю гонял в мини-футбол, находя в бесшабашной забаве неплохую разрядку от будней. Так было и в тот злополучный день.

«Ага, видимо, после той игры всё и началось, – усмехнулся про себя Вадим, – и угораздило же подставить голову под Витькин удар. Чёрт, ведь пытался отвернуться, а нет, всё равно мячик нашёл мою репу! Помню, только звёзды из глаз

посыпались, и не просто посыпались, а фейерверком брызнули, а затем всё, темнота... Очнулся, а вокруг парни склонились... какая-то пелена перед глазами... они о чём-то спрашивают, а я не понимаю ничего, что-то мычу и головой мотаю... брр... Состояньице! Не дай-то ещё такого, мой ангел-хранитель! Если ты есть, конечно. Всё верно, именно тогда и началось, точнее, после этого на следующий день, когда я проходил мимо соседок возле подъезда... Да, тогда и уловил обрывки мыслей, только не мог связать их между собой и осмыслить. И что же мне делать с этим «подарком судьбы»?.. Ну, с одной стороны, конечно, есть какое-то преимущество перед людьми... А с другой?.. Всё равно, что шпион! Уж лучше бы я об этом не знал, легче бы жилось, ей-Богу - легче. Эх, и за что мне эта напасть?! Как же теперь общаться с людьми? Я ведь всю их подноготную буду знать. А если ещё женюсь, ну а вдруг решусь, наконец, ведь не мальчик уже, пора бы и семью заводить, детишек воспитывать? Мама уже и так все уши прожужжала... Да-а, дилемма! И как же с этим жить-то?!.. Не знаю, пока не знаю».

Чтобы как-то развеять невесёлое настроение, Карцев решил прогуляться. На дворе была весна, вечернее солнышко так и норовило коснуться Вадима своим золотистым тёплым лучиком, пытаясь растормошить от навязчивых мыслей. В раздумье он простоял несколько секунд, а затем решил посетить парк отдыха, до которого было минут тридцать ходьбы. Как-то незаметно Вадим слился с оживлённым потоком легко одетых прохожих, и вместе с ним поплыл дальше по широкому проспекту. Но вдруг он остановился и стал оглядываться по сторонам. Перед ним мелькали лица проходивших мимо людей, и Вадим невольно подумал о некоторой закономерности, связывающей каждого из них. Раньше в буд-

ничной суете он не задумывался над этим, но теперь неожиданное открытие не давало ему покоя:

«Конечно, у любого человека есть свой внутренний мир, какие-то интересы, но ведь мысли то, как они близки... сама жизнь порождает эту общность проблем, навязывает стереотипы, ведь мы все вращаемся в этой привычной для нас среде. Мы так не похожи друг на друга, но всё-таки в нас много общего, в том числе и негатива».

Чтобы подтвердить свою догадку, Карцев обратил взгляд на высокого темноволосого мужчину из встречного потока. На его лице отражалась некоторая озабоченность, свойственная людям больших городов. Вадим сосредоточился на образе прохожего и сразу же угодил на его мысленную волну:

«Тьфу ты! Чуть не забыл зайти в магазин... Светка ведь убьёт! Чёрт, а завтра ведь кредит гасить надо. У кого же денег-то занять?.. Блин... Начальничек ещё достал нравоучениями, настроение всё изгадил - зараза! Вот денёк, одни заморочки!»

Сердце Вадима моментально почувствовало эту тяжесть, будто его облили ушатом нервозностей и обид.

«Фу, какая-то судорога эмоций! – выдохнул про себя Карцев, покидая раздумья незнакомца. – Неужели и от меня так фонит? Не хотелось бы...»

Но тут же его взгляд остановился на молодой женщине, что-то рассматривавшей через витрину магазина. Вадим подошёл поближе и понял, что она заинтересовалась выставочным вечерним платьем. Платье действительно стоило внимания: ярко-бирюзового цвета с открытым декольте и ещё

некоторыми эстетическими тонкостями, о назначении которых Вадим имел лишь смутное представление.

«Так, так... интересно, что же роится в твоей головке, красавица?» – не удержался от иронии Карцев.

Вадиму не пришлось даже настраиваться на телепатический приём, мысленная информация полилась на него быстротечной рекой:

«Ва-у, какое шикарное! Как бы мне подошло, прямо по моей фигурке... ммм... и цвет ведь мой, – интересная незнакомка, поджав сочные губки, придирчиво оглядела своё женственное отражение, поправила причёску и, видимо, осталась довольна. – Правда пару килограммчиков ещё можно скинуть, не мешает... Но стоит-то, наверно, стоит... Мамочки родные!.. Вот бы к Юльке на свадьбу в нём заявиться, все бы от зависти умерли, точно бы умерли! Ох, как я его хочу! Достанется ведь какойнибудь богатенькой дуре. Ну ей-то зачем!.. М-да, если Вадик увидит меня в нём, то не устоит, мой скромник, угодит в мои шелковые сети... Ой, угодит!.. Всё, не могу больше...»

«Вадик? – усмехнулся про себя Карцев. – Я-то здесь причём, милая, я к Юльке на свадьбу не собирался вроде, так что уволь. И зачем тебе лишнее сбрасывать? Фигурка и так, что надо».

Поддавшись невыносимому обаянию вечернего платья, женщина решительно направилась к дверям модного магазина, успевая на ходу делиться с кем-то впечатлениями по мобильнику. А Карцев продолжил свой путь. Свернув в сторону парка, он вскоре оказался на тенистой аллее, состоящей в основном из вечнозелёных дубов, посаженных ещё в середине девятнадцатого века. Величественные деревья раскину-

лись прекрасными пышными кронами и завораживали необыкновенным покоем. К удивлению Вадима, в парке царила довольно таки размеренная жизнь, каждый занимался своим делом: по дорожке аллеи не спеша прохаживались люди, на ближайшей скамейке ворковала парочка влюблённых, а напротив них пожилая женщина внушала уроки вежливости непоседливому внуку. Карцев остановился и вдохнул полной грудью, наслаждаясь появившимся состоянием безмятежности.

«Как же хорошо-то!» – отозвалось его сердце.

Он с детства знал эту дубовую рощу, и частенько бывал здесь, но только сейчас почувствовал её по-настоящему.

Вдруг он заметил бежавшего навстречу мужчину, по всей видимости, любителя бега трусцой. Чисто инстинктивно Вадим настроился на его мысленно-звуковую частоту:

«Ху... завтра жена в командировке. Класс! Ху, ху... после работы заберу свою «ласточку» с СТО и к Мариночке сразу же... истомилась девочка моя уже, да и я тоже... ху... надо оторваться по полной программе, пока благоверная не вернулась...»

Когда бегун поравнялся с Карцевым, Вадима посетила шальная идея:

«Если я читаю мысли людей, то, наверно, могу и передавать их... Хм, стоит попробовать авось получится».

Недолго думая, он мысленно поставил бегуну подножку и к своему удовлетворению увидел, как мужчина со всей прыти шмякнулся на дорожную плитку. Правда, вскочил он практически сразу же и в недоумении стал оглядываться по сторонам, высматривая виновника своего конфуза. Но не

найдя ничего подозрительного, мужчина отряхнулся и побежал дальше.

Вдогонку ему прозвучало язвительное хихиканье молодых людей с соседней скамейки да сочувственное оханье пожилой женщины.

«Ничего, может, налево бегать перестанешь!» – отметил с ухмылкой Карцев и снова погрузился в размышления.

После недолгой эйфории от своей новой способности, Вадим опять загрустил, загрустил от непонимания, он словно вывернул свою жизнь наизнанку и не понимал, что происходит с ним. Он не узнавал себя, чуждаясь недавних собственных мыслей, но что делать, как изменить жизнь он пока не знал.

«Бог ты мой, о чём же мы все думаем? Какая-то сплошная глупость, пустота! Неужели нет ничего более стоящего, настоящего?! Один самообман и только», – недоумевала со-весть Вадима.

Проходя мимо одной из скамеек, он увидел сидящую девушку. Наверное, её нельзя было назвать красавицей в прямом смысле этого слова, но она, несомненно, отличалась другим, в ней была какая-то загадка, во всяком случае, так Вадиму показалось. Но особенно его поразили глаза девушки - цвета небесной лазури, необъяснимой необычайной глубины. В них он почувствовал что-то неуловимо близкое, знакомое до упоительной теплоты в сердце. Уже по привычке Карцев попытался наладить с ней мысленный контакт, но у него ничего не получилось. Он остановился невдалеке от незнакомки и, не привлекая к себе внимания, повторил попытку, но опять тщетно. В этот раз замочек от чужого рассудка никак не желал поддаваться ему. Карцев повернулся к девушке

и встретился с её взглядом, в котором поймал еле уловимую смешинку.

– Что не получается? – прожурчал ручейком её чистый голос.

– О чём это вы? – непонимающе бросил Вадим.

– Меня зовут Настя, присаживайтесь, – спокойно произнесла она, указывая на скамейку своей тоненькой рукой.

– А меня...

Но девушка опередила его:

– Знаю, Вадим, знаю.

– Как? Откуда?! – воскликнул обескураженный Карцев, плюхаясь рядом с ней.

Она поглядела на Вадима своими удивительными глазами и положила ладонь ему на руку:

– Давайте просто помолчим...

Карцев не понимал, что с ним происходит: он чувствовал нежное прикосновение её руки, разливающееся по телу тепло, и с каждой секундой погружался в немыслимое блаженство. Вадим словно по спирали тончайших чувств поднимался всё выше и выше в негу безмолвия, которое звучало, звучало не хаосом человеческих мыслей, а чудеснейшим многозвучием. Он слышал эту необыкновенно прекрасную мелодию, парил в ней, отдаваясь дыханию непостижимого живого пространства...

Вадим очнулся с первым солнечным лучом, пробившимся через священный покой дубовой рощи. Лучик улыбнулся ему и игриво пощекотал лицо, одновременно освещая утреннюю аллею, усыпанную серебристыми капельками ро-

сы. Карцев глубоко вздохнул и с радостной улыбкой потянулся всем телом. А спустя минуту он уже бодро шагал по пустынной дорожке парка навстречу новой жизни...

Украденная правда

Андрей Саранцев блаженно растянулся на опавшей листве в притихшем осеннем лесу и глядел в чистое голубое небо. На фоне небесной лазури в зажигательном танце резвились бесчисленные золотистые искорки, чем-то напоминавшие волшебных светлячков, живущих в каком-то своём таинственном мире. Андрею даже чудилось, что он слышит их звонкие голоса:

– Мы знаем, что ты нас видишь, знаем, поиграй с нами, мы хотим с тобой играть...

Зрелище было настолько завораживающим, что ему хотелось проникнуть в самые его глубины, почувствовать в этом таинстве что-то очень важное для себя. Он уже давно не испытывал такой безмятежности чувств, такой умиротворённости, казалось, что все потери, все сомнения, теснившиеся внутри него последние годы вдруг отступили, отпустили его сердце навсегда. А противоречий в жизни Андрея действительно хватало. Однажды он вдруг понял, что потерял смысл жизни, упустив ту самую ниточку, связывавшую его внутренний мир с жизненной реальностью. Саранцеву казалось, что всё происходившее с ним раньше было какой-то сценической ролью, в которую он вжился и забыл себя настоящего и этот навязчивый сон сделал из него совершенно другого человека, чужого самому себе. Он уже ясно осознавал, что теряет радость, которая всё ускользала от него, рассыпалась на какие-то отдельные фрагменты, привязанные лишь к мимолётным внешним обстоятельствам. Даже удачи уже не так радовали его. Поначалу внезапное открытие не на шутку встревожило Андрея, он не понимал, как это могло случиться и когда. Его мозги всё сильнее сверлил законный вопрос:

«А зачем я живу не своей жизнью, ради чего и вообще - кто этот я?»

И сам же пытался себе отвечать:

«Ну допустим - работа, карьера... да, согласен, новое дело развивает, расшевеливает мозги, если, конечно, с творческим подходом дружишь. А потом, когда выжал всё из себя, когда от рутины мутит и просветов не видно? Это ведь всё равно, что масло по хлебу размазывать, туда-сюда, туда-сюда и всё по одной плоскости. Ну не самоцель же кусок с маслом, пускай даже жирно намазанным! Барахла мне точно не нужно, хватает того, что есть. Удовольствия? Хм... да, ещё не так давно цепляли, прельщали, а сейчас эта старая пластинка хоть и крутится, но как-то пресновато от неё. Родину я и так люблю, не раз доказывал. Мир спасти тоже пытался, но со своим обострённым чувством справедливости одни только шишки понабивал. Да он и не особенно хочет спастись. Может, ради будущих детей Кирилла, своих внуков? Пацана нашего уже, слава Богу, вырастили. Вполне, цель благородная, детей нужно учить, в добром мире куда лучше, чем среди злобных троллей. Но все ли хорошие добрые люди реально знают себя, свою истинную цель? И вообще, что такое мудрость? Как научить кого-то правильной жизни, если сам смутно представляешь её смысл? Какой-то замкнутый круг получается. Нет, должно быть что-то ещё, должно быть...»

Чем дальше он забирался в умственные дебри, тем только больше появлялось вопросов. Камнем преткновения в его размышлениях стали мысли о смерти, ведь она всегда являлась очевидным итогом человеческой судьбы. Как ни старался Андрей, он не находил разумного объяснения необходимости такого существования.

«Неужели нам суждено быть лишь «нравственным удобрением» для будущих поколений? Какой смысл в жизни, если у неё нет логического продолжения для себя самого?» — эти вопросы мучили его больше всего.

Саранцев подсознательно чувствовал, что за покровом внешнего мира скрываются какие-то тайны, и у него появилось нестерпимое желание разобраться во всём этом. Он с жадностью набросился на эзотерическую и религиозную литературу, часами просиживая в сети интернета, и даже записался в городскую библиотеку. Андрея интересовало всё, что было связано с истинной природой человека, что не освещалось в школьных и университетских учебниках, он искал ответы на вопросы, которые ещё совсем недавно не то что не тревожили, а даже не трогали его воображения. Информации хватало, но зачастую она была не совсем понятной и местами противоречивой. Переваривая эти немислимые информационные объёмы, Андрей пытался отыскать в них проблески еле уловимой сути, чтобы ближе подобраться к разгадке душевного ребуса, он чувствовал, что находится совсем близко буквально в одном шаге от понимания чего-то очень важного для себя. Саранцев нередко винил себя за то, что так долго тратил своё драгоценное время на всякую ерунду вместо того, чтобы искать реальное оправдание своему существованию. Теперь он изо всех сил старался наверстать потерянное время, подкрепляя теоретические знания всевозможными духовными практиками. По мере поиска горизонты его сознания постепенно расширялись, а прежняя жизнь всё заметнее теряла свою привлекательность, она как-то тускнела в его глазах. Андрея стали утомлять шумные компании, в которых раньше он находил забвение от жизненных забот и обманывался сомнительными удовольствиями, он избегал

всего того, что являлось приоритетом его прежней жизни. Ему было комфортнее в одиночестве, внутри себя, где он боролся с душевной теснотой, пытаясь раздвинуть, разорвать этот непроницаемый кокон из своих же умственных нагромождений. Неожиданно для себя он пришёл к выводу, что земной мир вовлечён в какую-то глобальную игру, где людям отводились роли обычных марионеток, слабо осведомлённых игроков на постоянно меняющемся поле жизни. Причём правила игры придумывались кем-то за кулисами видимой жизни и навязывались людям через их же умственные склонности. Такое нелепое запрограммированное существование (а иначе его и назвать было нельзя) ассоциировалось у него с лошадиным бегом по кругу под неусыпным наблюдением незримых погонщиков. Он даже отшутился по этому поводу экспромтными стишками:

Мы винтики и гаечки в чумной машине времени,
С резьбою часто сорванной, где въелся ржавый след,
Заложники послушные людского рода-племени
В живой процесс затянуты ключами строгих лет...

Андрей вдруг ясно понял, что навязанный людям путь был тупиковым, а информационная ложь всеми возможными способами только покрывала чудовищную несправедливость, укравшую у них законное право - знать правду. Кому-то это явно было выгодно, без сомнения.

«У нас украли правду о самих себе, её просто исказили до неузнаваемости, предложив взамен какую-то «суррогатную похлёбку»... А ведь это самое страшное, что может быть, самое страшное - не знать себя и жить... Как это вообще возможно, как?! Нас кормят всякими бредовыми идеями, «замыливают» глаза какой-то глупостью, но о главном ведь ни-

кто не говорит, ну почти не говорят, правда просто растворяется в этом умственном бедламе, она не видна большинству из нас. Нам постоянно лгут, и мы лжём себе, считая такую жизнь единственно правильной, но жизнь ведь не должна сеять тревогу и боль, она должна радовать и учить этой самой радости. Но мы живём в мире кривды, и она потешается над нами, считая всех нас безмозглым стадом, которым можно и нужно помыкать».

Подобные мысли всё чаще посещали Саранцева, но сейчас он уже знал, что из этого беспросветного тупика есть выход. Своими мыслями Андрей пытался делиться с родными и знакомыми, но в ответ в лучшем случае получал натянутые улыбки либо его собеседники деликатно уклонялись от разговора. Его не понимали, ему не верили даже самые близкие люди. Иногда Саранцев с трудом сдерживался, чтобы не закричать во всю глотку, лишь бы его наконец-то услышали. Его просто «убивала» эта человеческая слепота и глухота! Один раз Андрей не выдержал и после очередной шутки в адрес своего больного воображения в пух и прах рассорился со своими давними знакомыми. С тех пор они перестали общаться. Дольше других Саранцева терпела его жена Наташа, два года она добросовестно пыталась вернуть его в наезженную жизненную колею, однако блаженный муженёк никак не хотел возвращаться. Наконец её терпение лопнуло, и последние слова когда-то любящей женщины прозвучали для Саранцева, как контрольный выстрел в голову:

– Всё, Андрюша, я больше не могу так, я устала от этих твоих бредней, от твоей заумности... я устала... я хочу нормальной человеческой жизни... прости, я ухожу.

Выслушав её сбивчивые слова, Андрей молча кивнул. Ему совершенно не хотелось с ней спорить и тем более искать каких-то оправданий для себя, он не стал умолять её остаться, прекрасно понимая, что возникшую между ними пропасть уже не переступить.

– И это всё, что ты мне хочешь сказать?.. Ну что ты молчишь? – слышались нотки обиды в её голосе.

– А что говорить? Всё правильно... Разбитую чашку можно, конечно, склеить, если есть чем, а у нас уже, похоже, нечем. Спасибо, Наташа, за эти двадцать лет жизни, за сына, за твоё терпение и заботу обо мне, ты была хорошей женой и матерью, мне не в чем тебя упрекнуть. Ты правильно всё решила, живи нормальной человеческой жизнью.

– Разбитая чашка... ммм... какое горькое сравнение. А тебе не жалко этих лет, неужели тебе так легко их выбросить из памяти? Вспомни, Андрюша, ведь мы же любили друг друга... я не понимаю тебя, не понимаю...

– В этом-то всё и дело, любовь без понимания не жизнеспособна, она же, как декоративный цветочек, чуть не так, не по ней и всё - завяла. Ну не может быть по-другому, Наташа, просто не может и всё! К чему, собственно, мы и пришли. Ты не хочешь меня услышать, а я уже не могу жить, как все. Наташа, я не стану прежним, не стану, а ты этого не хочешь понять!

– А если ты ошибаешься, ты уверен, что прав? Ведь такое бывает, Андрей, люди часто обманываются. Да ты просто вбил в голову эту свою избранность и хочешь всех ей заразить! И не смотри на меня так, да это заразно, ты же ломаешь все человеческие устои, все правила! Нигилист ты несчастный!

Саранцев устало усмехнулся:

– Почему нигилист и почему несчастный? И при чём здесь какая-то избранность?

– А я не знаю как тебя больше назвать, разве что - эгоистом!

– Угу, очень обидно... ты ещё скажи, что у меня кризис подросткового возраста. Слышал я всё это уже и не раз. Ты думаешь, я сошёл сума? Пойми, Наташа, я чувствую, что прав, чувствую и всё... И ты не заставишь меня увериться в обратном!

– Ну и живи со своей правдой! – со слезами бросила она.

Она ушла в тот же день, а Андрей остался один со своей правдой. Позже после развода они разменяли трёхкомнатную квартиру, и Саранцев обосновался на двадцати квадратах «однушки». Их сын Кирилл учился в другом городе в университете и, возвращаясь на побывку жил в основном у матери, ему было удобнее в отдельной комнате. Хотя отца он тоже не забывал и по возможности навещал. Развод не повлиял на отношения между ними, отношения оставались вполне нормальными, можно сказать, даже приятельскими. Кирилл был деликатным умным парнем и не осуждал родителей, во всяком случае, вслух. В довесок ко всему Андрей уволился с работы. Такое внезапное решение, естественно, вызвало непонимание у руководства, должность он занимал не последнюю и пользовался заслуженным уважением. Но Саранцев настоял на своём, и после безрезультатных уговоров ему всё же подписали заявление по собственному желанию. В своей прошлой жизни Андрей успел попробовать себя в разных видах деятельности: десять лет в армии, потом уже

на гражданке воспитывал детей, занимался юриспруденцией, экономикой, руководил, умудрился даже примерить на себя «пиджак» чиновника. И везде, где бы ни работал Саранцев, у него получалось, ему всё давалось довольно легко благодаря острому уму и какой-то внутренней чуйке, позволявшей угадывать самое важное в любом вопросе. Только вот в последнее время он совершенно не испытывал интереса к работе, трудился скорей по привычке благодаря личной дисциплине и не более того. Андрею даже казалось, что какая-то сила специально подталкивала его к той или иной деятельности в качестве наглядного обзора уже пройденных этапов жизни, чтобы окончательно убедить его в ненужности бессмысленных повторений. Но теперь всё это уже было в прошлом. Нет, Андрей не корил свою судьбу, не жаловался на её капризность, ему не за что было сетовать на своё прошлое, он просто хотел понять - ради чего всё это.

Вынырнув из своих грёз, Саранцев почувствовал ласковое дуновение ветерка уже гнавшего по небесной синеве причудливые фигурки белоснежных облаков.

«Красота-то какая! Её часами можно созерцать и не устанешь... как же удивительна игра природы... Н-да, в жизни меня мало что цепляет по-настоящему, но она не может набить оскомину, это уж точно», – думал в те минуты он.

Отдавшись неге мягкого осеннего тепла, Андрей не заметил, как заснул. Во сне он увидел настенные часы, показывавшие половину десятого. Андрея не покидало ощущение, что он опаздывает на какую-то важную встречу к десяти часам, но никак не мог вспомнить с кем, и где она должна была состояться. Это навязчивое ощущение не давало ему покоя,

он метался в растерянности по комнатам в поисках хоть какой-то зацепки, но тщетно.

Саранцев проснулся, когда солнце уже повисло над западным горизонтом. На лес опустилась тень, и стало прохладнее. Стряхнув остатки дремоты, он попытался вспомнить недавний сон:

«Часы, время... К чему бы это? Куда я опаздывал? И что значат эти цифры? Может, реальное время или месяц, а может, год... Так, давай прикинем, если это реальное время, то осталось ждать недолго. А если месяц? Сейчас сентябрь, как раз девятый и как раз середина... Н-да, интересно... Ладно, дома всё равно никто не ждёт, можно и здесь у костерка покумекать, вдруг, что и осенит».

Сказано - сделано. В багажнике машины у Андрея всегда было самое необходимое, он частенько вот так экспромтом устраивал ночёвки и не только под звёздным небом. Он искренне любил природу, и она, похоже, отвечала ему тем же. Саранцев со знанием дела оборудовал костровище и вскоре язычки пламени уже облизывали аккуратно сложенный сухостой. Когда костёр разошёлся, он подвесил на треногу армейский котелок на две трети наполненный водой и стал ждать. Цветочно-ягодный чай, который Саранцев неизменно возил с собой для таких случаев, настаивался несколько минут, соблазняя его чувства непередаваемыми ароматами. Чуть позже, расположившись на ближайшем пенёчке, Андрей небольшими глотками с наслаждением отхлёбывал из эмалированной кружки чай и любовался игрой озорных искр, устроивших настоящий фейерверк. Между тем лес уже полностью погрузился в ночную тьму, замедляя ритм своей

повседневной жизни. Теперь каждый звук в ночной тиши казался каким-то особенным, таинственным.

Закончив с чаепитием, он снова вернулся мыслями к странному сновидению:

«Что же всё-таки обозначают эти цифры, что? Может, в них указан какой-то срок, который нельзя проворонить, пропустить?.. Или что-то вроде счётчика моей жизни... Или... Ну да, самое время покаяться в грехах пока не поздно. Однако юморок у тебя, брат. А если серьёзно - есть ли в чём каяться? Ну, если покопаться, то можно что-то наскрести... жене пару раз изменил, каюсь, но когда это было... напивался в стельку несколько раз, но сейчас же завязал с этим, даже не тянет... так, в основном грешки по мелочам. О войне не буду, это другая тема. Хм, вроде бы душой не кривил, старался жить по совести, да и на войне трусом не был, это точно, бойцы уважали... людям по возможности помогал, пользу какую-то приносил... и любовь не обошла. Гляди-ка, портрет святоши вырисовался, самому смешно. А вот мыслишки всякие непотребные посещали, не спорю, это было... да и сейчас иногда слетаются окаянные на огонёк».

Андрей усмехнулся и поглядел на циферблат мобильного:

«Одиннадцатый час уже, а ничего не случилось. Значит, всё-таки месяц. И сколько же у меня осталось? Недели две если верить часикам. А может, это всего лишь бред моего больного воображения? Ну, как Наташка утверждала и ещё некоторые... Вот в это верить мне уж точно не хочется».

Почему Саранцев так ухватился за этот сон? Да он и сам толком не мог объяснить, просто уже несколько месяцев чувствовал приближение чего-то особенного, необычного, о чём

с замиранием сердца мечтал последние годы. Он уже и так и этак со всех сторон оценивал своё состояние и не мог не заметить буквально ворвавшихся в него изменений. Они касались, прежде всего, тех слоёв мировоззрения, которые связывали его с повседневностью. С тех пор, как Андрей занялся духовным поиском, старые связи стали рушиться, у него даже появилось ощущение, что от его души отваливаются целые пласты заскорузлого прошлого, мешавшего ей свободно вздохнуть. Вместе с этим у него потерялся интерес ко всему тому, что лежало на поверхности и являлось смыслом жизни для большинства людей. Его уже не вдохновляла такая жизнь, ему хотелось добраться до чего-то большего, до тех глубин, где, по его мнению, скрывался сам источник жизни. Из книг он знал, что это особенное состояние называется духовной реализацией, в которой погибают все умственные противоречия и двусмысленность, а душа погружается в божественный покой, обретая свой истинный дом. Но это желанное переживание внутреннего мира до сих пор ускользало от него, проявляя себя лишь кратковременными вспышками, ему постоянно чего-то не хватало, что-то мешало.

Саранцев поёжился, напомнив себе, что уже не лето и подбросил в костёр дров. После чего отправился к машине за спальным мешком. Рядом с костром он расчистил небольшую площадку для ночлега и с удовольствием забрался в тёплый спальник. Его взгляд снова устремился в небо с бесчисленной россыпью необыкновенно ярких звёзд. Андрей заморожено глядел на это волшебное небесное таинство не в силах оторвать своего взгляда...

– Ты напоминаешь мне ту бабку из сказки у разбитого корыта, – нарушил тишину леса приглушённый голос.

От неожиданности Андрей вздрогнул. Он не видел говорившего, его силуэт практически сливался с тёмным стволом близстоящего дерева.

– Я не понимаю, о чём ты... И вообще, ты кто? – после некоторой паузы произнёс Саранцев.

– Да всё ты понимаешь. А своих нужно узнавать.

– Какой к чёрту свой?! Я тебя в упор не вижу! – не выдержал Андрей.

– А зачем меня видеть? Вполне достаточно слышать.

«А я ведь где-то слышал этот голос», – мелькнуло в сознании Саранцева, и он решил выяснить своё предположение:

– Ну хорошо... Ты что-то хотел мне сказать? Говори.

– Ты же хотел найти себя, да? – с усмешкой в голосе заинтересовался незнакомец.

– Допустим.

– Искал себя, а потерял всё остальное... Разве не так?

Андрей почувствовал лёгкое раздражение, но не показал этого:

– Что ты имеешь в виду?

– Ну как же... у тебя была семья, друзья, работа. А теперь, где всё это? Погляди-ка на других людей, они знают, ради чего живут, у них есть какие-то мечты, они хотят пользоваться благами жизни, жить ещё лучше. Погляди, сколько в ней удовольствий! А что есть у тебя, что хочешь ты? Люди не просто бьются за своё счастье, они вгрызаются в эту жизнь. Ну а ты?

– А я не хочу в неё вгрызаться, я хочу её понять.

– Ха-ха, похоже, у тебя с этим полный конфуз - иду туда - незнамо куда, ищу то - незнамо что. Ты мне напоминаешь неприкаянного чудака, который вышел из пункта «А» в пункт «Б» и ненароком заблудился по дороге, прошлого уже нет, а будущего всё не видно. Такое настоящее попахивает пустотой. Тебе не кажется? Не лучше ли вернуться назад, где всё привычно и знакомо.

Андрей и сам понимал, что оказался на какой-то меже, поэтому в уме в чём-то соглашался со своим оппонентом, но в тоже время чувствовал в его словах некий подвох. Тревога снова забралась в его сердце и не хотела отпустить.

Между тем голос из темноты продолжал:

– А ты, случайно, не забыл о своём бывшем друге? Помнится, вы были - не разлей вода, понимали друг друга с полуслова, даже скучали в разлуке... Когда он заболел, то особенно нуждался в твоей помощи, ему нужна была твоя поддержка... Но ты не приехал, и его теперь нет.

– Я не мог тогда, я долго был в командировке, я просто не успел, – как-то неуверенно промямлил Андрей.

– Слабо верится, и ты сам об этом знаешь. Просто не захотел.

– Он сильно изменился, и мы как-то отдалились друг от друга... он сам так решил, не знаю - почему.

– Всё ты знаешь. Он безумно любил твою бывшую, а она выбрала тебя... Представляешь, что у него на душе творилось?

– Ну да, я догадывался... Но в чём моя-то вина? Это же Наташкин выбор!

– А ему что от этого легче стало? Вам счастье, а ему - обида и боль. Только представь себе, день за днём эти безжалостные прожорливые змейки выедали его сердце, пока оно не затихло совсем... Он не смог с этим справиться сам, а ты не помог. Ты у нас, как собака на сене - ни себе ни людям. Не думаешь, что с ним она бы смогла обрести своё счастье, настоящее женское счастье? А? – подлил масла в огонь голос.

Саранцев даже не нашёлся, чем возразить.

– Перед смертью он ждал тебя, хотел объясниться, а ты так ничего и не понял. Теперь живи с этим.

Откровения собеседника ещё сильнее насаждали хаос в душе Саранцева, подсознательно он понимал, что его загоняют в тупик, но ничего не мог с этим поделать. Казалось, что монотонный голос уже никогда не остановится, он с упорной настойчивостью всё вытаскивал и вытаскивал из памяти Андрея не совсем приятные факты его прошлой жизни, о которых тот старался не вспоминать.

Саранцев проснулся от резкого толчка. В первые секунды он не мог понять, где находится, ощущая только сумасшедший стук своего сердца.

«Фу-ты... я спал, это всего лишь сон», – облегчённо выдохнул он и стал выбираться из спальника.

Для самоуспокоения Андрей всё-таки обследовал дерево, из-за которого доносился тот странный голос. Не обнаружив ничего подозрительного, он немного успокоился и попытался окончательно вернуться из сна в реальность. Однако неприятный осадок в его груди всё же оставался. Вдруг на противоположной стороне костровища что-то зашевелилось. Саранцев пригляделся внимательней и понял что не один.

Его компаньоном оказался ужик, свернувшийся на ночлег вблизи ещё пышущих жаром углей.

– И тебе, брат, тепла не хватает, понимаю... ты не бойся, отдыхай, вдвоём веселее, – подмигнул ему Саранцев и снова забрался в спальник.

Ночь была в самом разгаре, она успела заботливо убаюкать лес вместе с большинством его обитателей и теперь переключила свои чары на Андрея. Боролся он недолго и вскоре задремал...

Она появилась словно из воздуха и, не говоря ни слова, улыбкой любящей матери обласкала Андрея. Златовласая незнакомка в белом платье была необыкновенно красива, казалось, что исходящее от неё ослепительное сияние поглощало в себе ночную тьму. Андрей почувствовал, как невесомые солнечные флюиды её естества проникают ему прямо в сердце, отчего в груди становилось необычайно тепло и легко. Когда женщина заговорила, в интонации её голоса Саранцев уловил сочувствие и любовь:

– Милый мой, ты опять пошёл у него на поводу... Разве ты не устал от его бессмысленных нравоучений? Пойми, мой дорогой, он не советчик тебе, ему совершенно не нужно твоё будущее, он боится его, потому, что живёт только прошлым и тем, что ему привычно. Этот безнадёжный скептик ничего не способен менять, а мы вместе сможем. Только не поддавайся его уловкам, не распыляйся на его хитрости, прислушайся к сердцу, оно подскажет, выведет из тени прошлого. У тебя свой путь, не равняйся на других, не вини себя за ошибки, прими всё как есть и прости себя. Прошу тебя, останови эту внутреннюю войну и тогда ты всё поймёшь. Вспомни детство... тогда мы были особенно близки с тобой, вспомни свои

ощущения того времени, свою беззаботную радость, лёгкость свободы, ту наивную детскую искренность. Ведь всё это никуда не ушло, оно в тебе, только вспомни...

Саранцев вслушивался в певучие нотки её бархатного голоса, и ему совершенно не хотелось говорить, он готов был молчать целую вечность ради того чтобы этот безумно близкий ему голос не стихал никогда.

– Ты считаешь, что его можно утихомирить, и он отступится, да? – с несвойственной себе вкрадчивостью всё-таки спросил он.

– Ну, конечно же, его назойливость не безгранична, только будь бдителен, не уступай ему и у тебя всё получится. И помни, в памяти детства есть ключик от сердца, найди его, и мы уже больше никогда не расстанемся, – подбодрила его она.

В последний момент Саранцев вдруг вспомнил про настенные часы и хотел спросить её о смысле того сна, но не успел...

У прогоревших углей ночного костра Андрей встретил рассвет и с первыми лучами солнца засобиравшись домой. Для себя он уже всё решил, прекрасно понимая, что такие знаки судьбы просто так не даются. Его, безусловно, к чему-то готовили и это что-то должно произойти в ближайшие дни. Время уже пошло и он не хотел больше терять ни минуты. Заскочив ненадолго домой, он помылся, перекусил и без промедления сел за руль, чтобы вернуться в город своего детства, где пролетели самые беззаботные и счастливые годы его жизни. Отец Андрея был военным, и их семье пришлось помотаться по бывшему «Союзу», обычно они подолгу не за-

держивались на одном месте, однако тот военный городок стал исключением.

Эти девять лет особенно врезались в детскую память Андрея, как самое лучшее, что у него было в те далёкие годы. По дороге он с ностальгическим трепетом вспоминал своих школьных друзей, бесшабашные мальчишеские игры и свою первую детскую любовь. Ближе к городу формат его мыслей уже принял философскую окраску:

«Выходит, всё своё я ношу с собой... Неужели для того чтобы это понять - нужно умереть?.. А по сути, крах мировоззрения это та же смерть, смерть того, кто когда-то жил внутри тебя. Но умереть это одно... Как возродиться? Не брызгать же на себя сначала мёртвой водой, а потом живой. Ладно, сказочник, на месте разберёмся, брызгать или не брызгать. Движемся вроде верным курсом, не зря же меня так тянет туда».

Наконец, Саранцев въехал в знакомый город, и немного покрутившись по новостройкам, остановился возле бывшего КПП военного училища.

«Похоже, охрану сняли, даже ворот нет, – про себя отметил он. – Интересно, что здесь теперь?»

Андрей проехал на территорию и припарковался у обочины дороги возле пятиэтажки, в которой когда-то жил с родителями.

«Ну здравствуй, старичок, всё стоишь... а меня здесь уже никто не ждёт, иных уж нет, а те далече», – с ноткой грусти подумал он, вглядываясь в окна четвёртого этажа.

До боли знакомые дома, гаражи и сохранившиеся огородики, на которые они в детстве совершали дерзкие набеги -

были всё теми же, вот только здания постарели от времени. Обогнув дом, Андрей оказался на детской площадке и с сожалением заметил, что жилой городок, открыто граничивший с учебными корпусами и прочей учебно-материальной базой училища, теперь разделён с ними высоким бетонным забором. Саранцев вежливо остановил проходившую мимо женщину:

– Здравствуйте. Извините, а вы не подскажете, что сейчас за забором? Там ведь раньше военное училище было.

Ответив на приветствие, женщина пояснила:

– Да когда это было, его уже восьмой год, как расформировали. Там сейчас торговые базы с магазинами и ещё сервисный центр какой-то открывают. Вы, наверно, давно здесь не были?

– Угу, давненько уже. Спасибо, что просветили.

– Да не за что. Если хотите пройти на территорию, то вам нужно обойти забор справа, вон туда, там за поворотом есть ворота.

– Спасибо, учту. А кто в этих домах сейчас живёт?

– Разные люди живут. Когда эти дома городу отошли всех селить стали, ну и военные пенсионеры из последних тоже остались. А вы знакомых ищите?

– Нет. Кого бы хотел увидеть, тех уже давно здесь нет. Спасибо вам.

Женщина кивнула и продолжила путь.

«И в армии оптимизация... может, и правильно, но почему-то жалко», – про себя произнёс он.

Для Андрея и его друзей всё, что сейчас находилось за забором, являлось пределом их мечтаний, ведь там было необъятное поле деятельности для мальчишеского воображения - настоящий фортификационный городок, всевозможные спортивные сооружения, полосы препятствий, полигон для тактических занятий и даже стрельбище, где они собирали гильзы от патронов. Во что они только там не играли! Все просмотренные фильмы сразу же воплощались в реальность, будь то схватки индейцев с «белолицыми», сражения средневековых рыцарей или война наших с фашистами. Они с утра до позднего вечера могли лазить по бункерам, блиндажам и разветвленным окопам, переодевшись в выбранных героев, вооруженных магазинным и самодельным оружием, претворяя свои замыслы в нешуточные баталии. И опасными вещами они тоже баловались, устраивая настоящие взрывы из подожженных в пенопласте патронов и бутылок, наполненных водой с карбидом, сопровождая всё это стрельбой из «пугачей» и «поджигов». Но тогда они совершенно не думали об опасности. Конечно, их гоняли дежурные курсанты, лупили ремнями по задницам, и болючей крапивой по голым ногам им доставалось не раз, но они снова возвращались, потому что всё запретное манило ребят неудержимым магнитом. Со спортом они тоже дружили да ещё как! Тогда каждый день его жизни был наполнен каким-то смыслом, живыми мечтами и первыми детскими подвигами.

«Эх, какими же мы были шалопаями! Если бы родители только знали, что мы вытворяем... да, не поздоровилось бы нам тогда», – со шкодливой усмешкой подумал он и вдруг стал не на шутку серьёзным:

«А сейчас в какую войнушку играют дети? Вон что у границ наших творится, всё с ног на голову перевернулось... У наших соседей теперь новые «герои» появились, правда, старого разлива. Н-да, кто бы мог подумать, что эта зараза так живуча. Давили этого червя, давили, а он ведь выжил, только затаился на время, копил злобу, набухал и выжидал подходящего момента... и вот теперь выполз. Кто же сейчас для тамошних ребятишек - наши, а кто враги? Даже страшно подумать, что есть такая чудовищная дилемма, что она реальна! Душу нашу русскую уже по живому режет всякая мерзота, режет нагло и цинично! Люди, неужели вы так ослепли, что не видите очевидного? Или вас так запугали? Но вас же нормальных-то больше, значительно больше! Эх, что же мы, братья-славяне, делаем-то, что же мы делаем...»

Андрей горько вздохнул и постарался переключиться на светлые дни своего детства. Забыв о времени, он несколько минут простоял в потоке нахлынувших воспоминаний.

«Тьфу ты, совсем забыл про палисадник! – вдруг спохватился он. – Если, конечно, ещё жив».

Так называемый палисадник, состоявший в основном из сирени, яблонь и акации, находился за соседним домом и как раз умещался в его приличную длину. Весной во время цветения он излучал такие бесподобные ароматы, что никого не оставлял равнодушным. Палисадник оказался жив и, по мнению Андрея почти не изменился, во всяком случае, ему хотелось так думать. По узкой тропинке он углубился в тенистые заросли и, следуя по следам памяти, отыскал любимое ими место, где после захватывающих игр они брали передышку и наперебой делились впечатлениями.

«Ты погляди-ка, и скамейки похожие... будто на часик сбегал домой пообедать и вернулся», – удивился Саранцев.

Он присел на одну из скамеек, глубоко вздохнул, словно желая почувствовать забытые запахи своего детства. И вдруг на лице Андрея появилась шальная улыбка от воспоминаний одной незатейливой игры, которую они называли - «руки». Суть её заключалась в следующем: ребята делились на две группы, заранее вооружившись несколькими игрушечными пистолетами, одна команда пряталась в палисаднике, другая искала. Задача играющих с той и другой стороны была предельно простой - первым обнаружить «противника» и неожиданно скомандовать - «руки», естественно, на определённом расстоянии. Успевший первым забирал один пистолет и так далее до полного разоружения одной из сторон или пока не надоест. Кажущаяся простота этой игры была обманчивой, она не только учила бесшумно ходить и умело маскироваться, но воспитывала в мальчишках психологию следопытов - разведчиков, где вдумчивость, выдержка и наблюдательность стояли на первых местах. Кстати, потом на настоящей войне полученные в игре навыки здоровогодились Андрею.

Саранцев усмехнулся, вспоминая своё прошлое:

«Да уж, всю жизнь одна война, никак без неё... сначала понарошку, потом уже по взрослому, а теперь ещё выясняется в себе самом. Нет, всё правильно, так всё и есть, до сих пор воюю... и эту глупую войнушку нужно заканчивать, чем раньше, тем лучше».

Андрей вдруг вспомнил свой класс. У них был очень дружный костяк мальчишек и девчонок, они проводили вместе все дни рождения, выезжали с родителями на природу,

частенько собирались после учёбы, чтобы просто пообщаться, ходили в кино, они умели дружить, умели понимать друг друга.

«Да, да, точно, это случилось именно тогда и здесь... я совсем забыл про это, совсем забыл», – всколыхнулась его память.

В тот весенний вечер перед самыми каникулами они собрались на День рождения Витальки, его лучшего друга, жившего как раз в этом доме. После поздравлений и весёлого застолья с чаем и тортом, они отправились сюда. Андрей, естественно, уже не помнил дословно, о чём они говорили, да это и неважно было, сейчас он хотел нащупать, почувствовать вновь те ощущения, которые он испытал в тот вечер. У всех было прекрасное настроение, они много смеялись, шутили, и в какой-то момент Андрей почувствовал, как меняется его состояние, это было странное и незнакомое состояние, будто он находился здесь и в то же время в совершенно ином мире. Вместе с дрожью окружающего пространства Андрей услышал внутри себя мелодию, звучавшую голосами волшебных серебряных колокольчиков, и в тот же миг перед его глазами возникла живая картинка, мерцавшая бесчисленным множеством игривых огоньков. Потеряв ощущение телесности, он как бы расплылся по пространству, расширился до невообразимых пределов, буквально переполняясь немислимой радостью свободы. Он никогда не ощущал ничего подобного, это было непередаваемое блаженство! Вокруг него находились его друзья, но Андрей их не слышал, он будто выпал на какой-то момент из реальной жизни, но ребята этого даже не заметили. Вернулся он так же неожиданно, как и ушёл. Правда, немного кружилась голова, а тело казалось каким-то ватным. Произошедшие с ним изменения заметила

Лена, соседка по парте и первая симпатия Андрея. Заглянув ему в глаза, она с недетской серьёзностью спросила:

– Тебе плохо, Андрюша? Ты весь бледный...

– Не... нормально, – отмазался тогда он, ещё находясь в состоянии прострации.

Лена не стала настаивать, но незаметно для всех положила свою ладонь на его руку. Его щёки моментально вспыхнули, а сердце учащённо забилося, отвечая не только смущением на её дружескую заботу.

Андрею казалось, что он и сейчас чувствует тепло её маленькой нежной руки...

Саранцев вспомнил, что нечто подобное его посещало не раз, однажды он вместе с друзьями лазил в поисках приключений по стройке, и упал со второго этажа на битые кирпичи. Другой на его месте не отделался бы одними ушибами, а Андрею хоть бы что, даже синяков не оказалось, да и боли он совершенно не чувствовал. В таком случае обычно говорят: «в рубашке родился», и видимо, эта чудо-рубашка по жизни не раз спасала его.

Саранцев стал вытаскивать из кладовой памяти другие случаи, и их набралось немало, они как бы на время выветрились из неё или, наоборот, скрывались до подходящего момента. Последним фрагментом его воспоминаний стал один непростой бой на войне, когда его разведгруппа попала в засаду. Тогда точно так же время остановилось, замерло, а пространство наоборот ожило, в тот момент внутри него словно включился «автопилот», отдававший за него короткие приказы и стрелявший из автомата по боевикам. Тем временем его сознание спокойно наблюдало за происходящим откуда-то из другого мира, при этом - совсем не испы-

тывая страха. Вокруг рвались миномётные мины, гремели гранатомёты и автоматные очереди, а Андрей ничего этого не слышал, он даже не слышал своего голоса и не почувствовал боли от осколка, угодившего ему чуть выше переносицы. Только потом через несколько минут боя, когда группе с минимальными потерями удалось выйти из-под обстрела, он осознал, что случилось. Кровь к тому времени уже запеклась. Осмысливая свои воспоминания, Саранцев стал осознавать, что все эти годы какая-то могучая сила говорила с ним на своём особом языке, давая понять, что он есть нечто иное, отличное от того, чем он привык себя считать. И он вдруг ясно понял, что внутри него живёт необыкновенное существо, не вмещающееся в обычные рамки понимания, и чтобы понять его, почувствовать, нужен совершенно другой подход, ум не способен был обнаружить его реальность. Но как это сделать? Андрей решил идти уже хоженной тропинкой:

«Я должен вспомнить всё и пройти через это снова, но уже сознательно... за этим я и приехал сюда, она знала, о чём говорила, значит, всё произойдёт именно здесь и сейчас».

В этот момент ему нестерпимо захотелось докопаться до истины, разрыть, освободить от умственных завалов заветную дорожку к самому себе.

– Говорят, что сознание, всё равно, что музыкальный инструмент, как настроишь, так и будет звучать... Что ж... попробуем, – вслух произнёс он, подбадривая себя.

Сосредоточившись на том вечере из далёкого прошлого, Андрей постарался вспомнить, что же предшествовало тому состоянию, а когда у него получилось, он отпустил свой ум, отдаваясь каждой сердечной клеточкой ощущению незамутнённой детской радости. С каждой секундой его сердце всё

теплело и отзывалось болью, но эта боль была нестерпимо приятной и желанной. Внутри него что-то перемалывалось, заменялось, а то, что приходило на смену - было таким знакомым и немыслимо родным. Вначале Андрей ещё как-то по привычке пытался анализировать своё состояние, но потом сдался, не в силах сопротивляться самосветящемуся пространству тишины, захватившему его в свои бережные объятия. Он потерялся в покое безвременья, стал им самим, не имея ни желаний, ни слов. Тишина всё нарастала вибрирующим золотистым светом и вдруг она рассыпалась, разлилась по всему необозримому пространству удивительной неземной мелодией, затопившей Андрея невыразимым блаженством. Он слился с этим поющим потоком любви, всё расширяясь и охватывая собой Землю, пронизывая и осветляя своей неутолимой радостью каждую её живую клеточку. Он видел, как затухают очаги войн, а солдаты противоположных сторон, ещё минуту назад пылавшие ненавистью друг к другу - бросают оружие и сжимают в дружеских объятиях своих бывших врагов. Он видел, как затягиваются раны Земли, а места недавних боёв наполняются чудесными ароматами распустившихся цветов. Вокруг него сияли миллионы и миллионы счастливых лиц, и Андрей точно знал, что все эти люди и есть он сам. Весь этот прекрасный свободный мир находился внутри него и был им самим, его проснувшейся душой.

Словарь

Абсурд – нечто алогичное, нелепое, глупое, из ряда вон выходящее, противоречащее здравому смыслу;

Альнилам – голубой сверхгигант со звёздной величиной +1,69 и одна из ярчайших по светимости звёзд. На небе она занимает 30-е по яркости место и 4-е в Орионе;

Аналогия – подобие, равенство отношений; сходство предметов, явлений, процессов, величин и т. п. в каких-либо свойствах, а также познание путём сравнения;

Блиндаж – постоянное или временное фортификационное подземное сооружение для защиты от пулемётного, артиллерийского, миномётного огня, от напалма и оружия массового поражения и для отдыха личного состава;

Бункер – хорошо укреплённое защитное или оборонительное сооружение. Обычно сооружаются под землёй котлованным или подземным способом, но бывают полузаглублённые и также поверхностные;

Дилемма – полемический довод с двумя противоположными положениями, исключаящими друг друга и не допускающими возможность третьего;

Жёлтый полосатик – вид небольших стайных морских лучепёрых рыб из монотипического рода семейства ставридовых;

КПП – контрольно-пропускной пункт в воинских частях;

Нигилист – человек, ничего не признающий, отрицатель - общественно-политический и литературный термин;

Пугач – самодельное пиротехническое шумовое средство;

Поджиг – простейшее самодельное огнестрельное оружие;

Ушат – небольшая кадка с ушами; переносное значение - ушаты грязи, клеветы вылить на кого-то (оскорбить, оклеветать);

Фортификационный городок – инженерные и оборонительные сооружения, применяемые в военное время для укрытого размещения и наиболее эффективного применения оружия, военной техники, пунктов управления, а также для защиты войск.